

андрей
колесников

МАША С ВАНЕЙ готовились к поездке в Сочи на фестиваль «Кинотаврик» как на фронт. Ваня и выглядел как новобранец, уже хлебнувший горя: в новенькой пилотке, в ремне, в кирзовых сапогах... Вернее, сапожках... Выдавали его, как бывает в таких случаях, глаза... Страдающие, такие недетские.

Да, он должен был выступить в номинации «Поющий артист». Но это было не наигранное. Это нельзя было наиграть. Это можно было только прожить.

— В живых осталось только трое из восемнадцати ребят... — негромко пел он в машине по дороге в школу, в очередной раз проживая эту песню, и я крепче стискивал руль.

Потом они уехали в Сочи. Из-за гриппа поездку чуть не отменили, но, судя по тяжелой истерике, охватившей Москву с легкой руки великого и ужасного главного санитарного врача, оставаться здесь было еще опаснее, чем попытаться где-нибудь укрыться от его испепеляющей заботы. Геннадий Онищенко все-таки очень любил детей...

Ваня позвонил и сказал мне, что он проиграл. Ему не дали приз. Ваня пла-

кал. Он не понимал, почему он не мог выиграть. Все-таки у него за эти годы, в основном благодаря моим с ним ушу-сражениям, сформировалась психология победителя.

Странно, подумал я. Песня-то какая хорошая. Ну да, тяжелая. В конце концов, когда я слышал ее в машине в Ванином исполнении, и мне тоже хотелось плакать, как теперь Ване. И я тогда, в отличие от него теперь, держался...

А выиграли, между прочим, слабослышащие дети. Конечно, кто спорит...

Через несколько дней меня пригласили в эфир на радиостанцию «Маяк». В эфире я говорил ведущей Рите Митрофановой про моих детей. С лицемерным сожалением рассказывал, что пришел на этот эфир, хотя должен был бы быть на дне рождения Вани...

На самом деле все так и было. Ване 9 ноября исполнилось семь лет.

Чувствительная к детскому горю ведущая предложила позвонить осиротевшему мальчику и поздравить его любимой песней прямо в эфире. Я очень обрадовался, позвонил Ване и спросил, какая песня его любимая. Я думал, честно говоря, что он скажет именно про этих трех ребят из восем-

надцати. И даже пока дозванивался до него, предложил уже поискать эту песню.

Мне казалось, что песня будет очень трогательно звучать в вечернем эфире «Маяка», хотя юная сотрудница радиостанции деликатно меня в этом и разубеждала и при этом уже делала свое дело: нашла песню в трех вариантах исполнения, от классического до неприлично авангардного.

Но Ваня сказал:

— Нет, я не хочу эту песню.

— Почему? — спросил я.

— Я устал от нее, — признался Ваня.

Я понимал, что это усталость не только душевная, связанная с горькой темой, а прежде всего психологическая. Вот если бы Ваня выиграл этот конкурс, то у него была бы по-прежнему психология победителя. А так у него теперь, когда исполняется эта песня, просыпается психология проигравшего — а это и вправду неподъемная ноша.

— Что же тогда ты хочешь услышать? Какой подарок тебе сделать? — спросил я.

— «Ранеток» можешь поставить? — робко спросил Ваня. Группа «Ранетки». Трек «Ангелы».

ЭТО БЫЛО
НЕ НАИГРАННОЕ.
ЭТО НЕЛЬЗЯ
(БЫЛО НАИГРАТЬ.)
ЭТО МОЖНО БЫЛО
ТОЛЬКО
ПРОЖИТЬ

Мы смогли, спасибо прекрасной ранетке с радиостанции «Маяк». Она мгновенно нашла и поставила эту песню, которая для Вани что-то, видимо, значила.

— Ты хоть слышал это раньше? — спросила меня Рита Митрофанова, когда песня заполнила собою эфир на 103.4.

— Нет, — пожал я плечами и прислушался.

— Ну, послушай...

«Ведь мы не ангелы, живем мы на земле... Дождем растаяли как слезы на стекле... Хотя я не ангел, но я хочу быть с тобой... И ты тоже не ангел, но все равно будешь мой...»

Надеюсь, слабослышащие дети этого не слышали.

— Это правда твоя любимая? — спросил я Ваню вечером.

— Конечно, — с недоумением посмотрел он на меня.

— Но там же такие переживания... Ты готов к ним?

— Папа, — сказал он. — Это же мои переживания. Ты вообще с Катей знаком?... Я тебя познакомлю.

Да, я думаю, надо.

Если бы не эта песня, я бы так не думал.